

Robert
Zaretsky

A Life Worth
Living:

Albert Camus and the
Quest for Meaning

Роберт
Зарецки

Жизнь, которую
стоит прожить.

Альбер Камю
и поиски смысла

Individuum
Москва, 2024

Перевод с английского
Николая Мезина

УДК 929+128

ББК 87.3(4Фра)6-712+87.524.8

334

*Напечатано при содействии
агентства Александра Корженевского*

Зарецки, Роберт.

- 334 Жизнь, которую стоит прожить. Альбер Камю и поиски смысла / Роберт Зарецки; [пер. с англ. Н. Мезин]. — М.: Individuum, Эксмо, 2024. — 224 с.

ISBN 978-5-907696-76-1

Это первая биография Альбера Камю на русском языке. Для ее автора, американского историка Роберта Зарецки, жизнь и произведения Камю, успевшие стать классикой мировой литературы и философии экзистенциализма, — не столько часть прошлого, сколько предыстория настоящего. «Благородство писательского ремесла заключается в обязательствах жить не по лжи и бороться с угнетением», — так сказал в своей Нобелевской речи в 1957 году автор «Чумы», «Мифа о Сизифе» и «Постороннего». Пять тем героя, особенно волновавших французского философа — абсурд, молчание, мера, верность и бунт, — стали для него иероглифом, садом расходящихся троп и системой навигации в этом «уродливом, но потрясающем мире». Можно по ним блуждать в поисках смысла жизни, когда важно если не обрести надежду, то по крайней мере не впасть в отчаяние. Самого Камю это дрейфование привело к пониманию, что в разгар зимы в нем живет «непобедимое лето». Уже неплохо, не правда ли?

УДК 929+128

ББК 87.3(4Фра)6-712+87.524.8

© 2013 by the President and Fellows of
Harvard College

© Н. Мезин, перевод с английского, 2024

© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Individuum®

ISBN 978-5-907696-76-1

Оглавление

<i>Пролог</i>	7
Абсурд	19
Молчание	70
Мера	106
Верность	133
Бунт	167
<i>Эпилог</i>	207
<i>Благодарности</i>	221

Пролог

Мне не уступят даже мою собственную смерть. А между тем мое самое заветное желание на сегодня – тихая смерть, которая не заставила бы слишком переживать дорогих для меня людей¹.

Предсказание, сделанное Альбером Камю в последнее десятилетие его жизни, сбылось, а его желание — вряд ли. На наших глазах вокруг творческого наследия великого алжирца закипают бурные споры.

Вскоре после избрания президентом Николя Саркози отправился в Алжир с государственным визитом. Этот визит привлек необычайно широкое внимание во многом потому, что новый президент имел репутацию откровенного консерватора, который не видит в колониальном прошлом Франции никаких поводов для покаяния. Одним из пунктов в программе визита было посещение Типасы, города на бе-

¹ Камю А. Записные книжки. Март 1951 — декабрь 1959. Пер. Я. Богданова // Иностранная литература (2), 1992.

регу Средиземного моря. Этот город может похвастаться не только поразительным множеством римских руин — свидетельством более раннего колониального проекта, — но еще и тем, что здесь несколько раз за свою недолгую жизнь побывал Альбер Камю.

Глубокая духовная связь Камю с этими местами отразилась в двух его самых лирических эссе — «Брачный пир в Типаса» и «Возвращение в Типаса». Первое из них создано в 1936 году юношей в поиске себя и с великими намерениями, и пребывание автора в Типасе описывается в откровенно эротическом ключе: «Всё, кроме солнца, поцелуев и диких запахов, кажется нам пустым... Здесь мне нет дела до порядка и меры. Меня всецело захватывает необузданное своеволие природы и распутство моря»¹.

Почти двадцатью годами позже писатель — уже всемирно признанный, но не нашедший мира с самим собой — вновь приезжает в Типасу. Приближаясь к ней, он вспоминает, как побывал здесь сразу после окончания Второй мировой. Война изменила облик античного города: солдаты и проволочные заграждения окружили древние колонны и арки, среди которых он когда-то позировал — без рубашки, улыбаясь в окружении подружек. В тот послевоенный приезд разум Камю тоже словно был в осаде, конечно, на фоне мира, впавшего в губительное безумие. «Рушились империи, люди и нации вгрызались друг другу в глотку, наши уста были осквернены». Но тогда же была и юность, теперь покинувшая его навсегда: «На прибрежных холмах, некогда любимых мной, среди мокрых колонн разрушенного

1 Камю А. Брачный пир в Типаса. Пер. Н. Наумова // Собрание сочинений в пяти томах. Харьков: Фолио, 1998. Т. 1. С. 118.

храма мне чудилось, будто я иду вслед за кем-то, чьи шаги еще звучат на плитах и мозаике пола, но кого я никогда уж не догоню»².

Впрочем, эти невеселые картины вытесняются куда более старыми образами, которые в то же время «моложе и наших строек, и наших развалин». Незыблемое великолепие Типасы, как понимает Камю, упрямо сопротивляется безумию нынешнего мира: «Я снова нашел здесь древнюю красоту и юное небо и оценил, как мне повезло, когда понял наконец, что в худшие годы нашего безумия память об этом небе никогда не покидала меня. Это оно спасло меня от отчаяния». Тогда Алжир сползал в гражданскую войну, и, хотя Камю обходится без явного упоминания уже начавшейся драмы, он будто укрепляет свой дух перед погружением в нее: «Я не мог отречься от света, среди которого родился, и в то же время не хотел отказаться от обязательств, налагаемых нашей эпохой»³.

Перед немногочисленной массовкой, добросовестно машущей флагами обеих стран, президент Саркози, устремив взгляд на море, выслушал фрагмент «Брачного пира в Типаса», прочтенный кем-то из окружения⁴. Видимо, «Возвращение в Типаса» показалось бы слишком двусмысленной или слишком злободневной отсылкой. Как бы то ни было, съемка окончилась, актеры и публика расселись по машинам, и президентский кортеж покати́л к следующему пункту программы, оставив позади руины храма и юное небо — столь

2 Камю А. Возвращение в Типаса. Пер. Н. Злобина // Собрание сочинений в пяти томах. Харьков: Фолио, 1998. Т. 3. С. 455.

3 Там же. С. 459.

4 См., напр.: Le Figaro. December 5, 2007. — *Здесь и далее, кроме источников цитирования на русском языке и специально оговоренных случаев, прим. автора.*

же далекие от политических демонстраций, как и тонкий смысл и высокая красота произведений Камю.

Через три года, в 2010-м, с приближением пятидесятилетней годовщины смерти Камю, вокруг его имени вновь развернулись политические игры: Николя Саркози предложил перенести останки писателя в Пантеон. Левые политики тут же принялись обвинять президента в том, что он пытается апроприировать наследие Камю ради политической выгоды. Они требовали, чтобы прах писателя остался в Лурмарене — прованской деревне, где Камю оказался вскоре после войны и куда с помощью друга, поэта Рене Шара, переселился за несколько лет до гибели. Правые, причисляющие Камю к неоконсерваторам *avant la lettre*¹, публично оскорбились подобными обвинениями. По разные стороны в этом конфликте оказались и дети Альбера Камю, близнецы: его сына Жана возмутили попытки поднять отца на знамя правых, а дочь Катрин, распоряжающаяся литературным наследием Камю, решила, что «пантенионизация» станет достойным венцом человеку, который всю жизнь стремился говорить от имени тех, кто лишен голоса².

Останки Камю по-прежнему покоятся в Лурмарене, а вот отношение к содержанию и значению его литературного наследия никогда не будет бесстрастным³ — отчасти

1 Здесь: еще до появления термина (*фр.*). — *Прим. пер.*

2 Французская пресса кишела публикациями об этой инициативе. См., напр.: *Le fils d'Albert Camus refuse le transfert de son père au Panthéon // Le Monde*. November 21, 2009.

3 Летом 2012 г. развернулось еще одно сражение за наследие Камю. Планы грандиозного юбилейного торжества в Экс-ан-Прованс сорвались из-за спора города и Катрин Камю о юбилейной выставке. Мэр города, представитель

из-за алжирского происхождения автора. В романе Аликс де Сент-Андре «Папа в пантеоне» (*Papa est au Panthéon*) государственные чиновники приходят к дочери писателя-вольнодумца по фамилии Берже (легко узнаваемый шарж на Андре Мальро) после того, как президент Франции решил внести в Пантеон. Да, причины решения политические. Как говорит дочери Берже директор Пантеона, пантеонизация — это экономика чистой воды: «Мы собираем студентов, выводим республиканскую гвардию, выпускаем почтовую марку: и все это бесплатно». Государство получает рекламу безвозмездно, автоматически и повсеместно. Впрочем, есть одно условие: «Нужен правильный клиент». Одни «знаковые авторы» слишком уж католики (Шарль Пеги и Франсуа Мориак), другие чересчур коммунисты (Луи Арагон и Поль Элюар); кто-то не тянет на участника Сопrotивления (Андре Жид), а кто-то откровенный чудак (Марсель Пруст). А Сартр? Директор отмахивается со смешком: этот «по-прежнему вечно не о том». Затем он упоминает Камю, как еще одного, кому отказано: его подвел Алжир⁴.

Немногие писатели испытывали такие сложные чувства по поводу своей личной и национальной идентичности, как Альбер Камю. Он был из «черноногих»: так прозвали иммигрантов, в XIX и XX веках переселившихся во Французский Алжир из Европы, чтобы стать гражданами Франции,

многочисленного сообщества черноногих, которые переселились в Экс-ан-Прованс после 1962 г., не одобрил куратора выставки, историка Бенжамена Стора, занимающего резко критическую позицию по отношению к политике алжирского землячества. Назначение нового куратора, философа Мишеля Онфре, вызвало новый скандал: правительство социалистов, выступавшее за Стора, отказалось финансировать юбилей.

4 *Saint-André A. Papa est au Panthéon*. Paris: Gallimard, 2001. P. 92.

частью нации, чьим языком они не владели, чьей истории не знали и на чью землю вряд ли надеялись ступить. Тогда этому не придавали особого значения: Алжир считался частью Франции, а не другой страной со своим народом, состоящим из нескольких миллионов арабов и берберов, которые не имели французского гражданства. К 1950-м годам Камю напоминал своего мифического героя Сизифа, но был навечно связан не с горой, а с трагической безысходностью сопротивления Алжира иностранной — французской — оккупации. Много лет Камю бился над решением, которое принесло бы справедливость и арабам, и поселенцам, рисковал жизнью в поисках этого невозможного примирения. Он потерпел неудачу и замолчал — и хранил молчание до самой смерти в 1960 году.

Во Франции фигура Камю-алжирца остается предметом раздоров, но тем временем в Алжире наметилась тенденция к согласию: все больше писателей признают его своим. Это особенно заметно начиная с середины 1990-х годов и гражданской войны, которую государство вело против исламских фундаменталистов. Алжирская писательница (и член Французской академии) Ассия Джебар включила Камю в список жертв политического режима. По ее словам, Камю явился одним из «провозвестников алжирской словесности» — братской душой, которую она призывает, чтобы вместе всматриваться в прошлое родной страны и осмыслять его кровавый хаос¹. В том же ключе высказался во время недавней дискуссии о недостатке мечетей во Франции Абделькадер Джемай, автор романа «Камю в Оране» (*Camus at Oran*), напомнив о том, как писатель восхищался прекрасной про-

1 *Djebar A. Le Blanc de l'Algérie. Paris: Albin Michel, 1995.*

стотой арабских кладбищ. Посетив Лурмарен, Джемая написал: «[Могила Камю] очень похожа на могилы моих ушедших родных»².

Этих литераторов привлекает в Камю не столько его принадлежность алжирской культуре, сколько универсальность его размышлений. И здесь заключена еще одна причина того, что Камю по-прежнему тревожит наши умы. Что из Парижа, что из Типасы, он и сегодня выглядит человеком, чья жизнь служит примером редкого беззаветного героизма. Его яростный бунт против того, как французское государство обходится с арабами и берберами, сугубое презрение к вишистским антисемитским законам, упорное неприятие смертной казни и бесстрашные попытки способствовать гражданскому примирению в охваченном войной Алжире — все это было поведением человека, стремящегося жить в согласии со своими ценностями. Получалось не каждый раз. Например, в последние месяцы оккупации и первые месяцы освобождения Франции Камю задушил в себе стойкое отвращение к смертной казни и не только оправдывал, но и приветствовал смертные приговоры коллаборационистам, чьи деяния во время войны несли гибель французам. Позже он изменил позицию, публично раскаявшись, и это говорит о моральной последовательности Камю, но вместе с тем от его статей военной поры, призывающих к скорой и безжалостной расправе, по коже пробегает холодок³.

2 *Abdelkader D. J'ai grandi au milieu des clochers // Le Monde. December 17, 2009.*

3 Говоря о частной жизни Камю, его поклонники обычно уклоняются от обсуждения его многочисленных супружеских измен, в частности романа с актрисой Марией Казарес, которые несомненно сыграли свою роль в развитии клинической депрессии у его жены Франсины, не раз пытавшейся покончить с собой. Так, Мишель Онфре всю ответственность за эти

Разумеется, такие метания лишь напоминают нам, что Камю был человеком, как и мы: очевидность, которую нам порой застит, особенно ныне, наша отчаянная нужда в героях. Но, пожалуй, еще важнее, что они показывают: Камю сам знал о собственных недостатках и пытался через тексты и поступки их объяснить. Вспоминая о своих взглядах на смертную казнь в военное время, в программной лекции 1948 года, о которой еще пойдет речь, он заявил, что заблуждался. А в его повести «Падение» нетрудно разглядеть, помимо прочего, безжалостно откровенное признание в нескольких изменах жене Франсине. (Так, по крайней мере, трактовала этот текст сама Франсина Камю. «Этим ты обязан мне», — сказала она Альберу, имея в виду коммерческий успех книги¹.)

Именно его вечный непокой, злополучная неспособность утешать себя объяснениями, которые мы даем своим или чужим поступкам, проклятый дар заставлять не только себя, но и тех, кто рядом, пересматривать то, во что верил без вопросов, делает Камю столь важной фигурой. Он взял за обычай, по выражению Тони Джада, «смотреться в зеркало собственного морального дискомфорта»². А его работа и жизнь становятся таким зеркалом для всех нас. То было время, как

постоянные эпизоды депрессии взваливает на саму Франсину, утверждая, что ее родня своими обвинениями сделала из Камю «удобного козла отпущения». См.: *Onfray M. L'Ordre libertaire: La vie philosophique d'Albert Camus*. Paris: Flammarion, 2012. P. 478. Автор другой биографии, Элизабет Хоуз, значительно более глубоко и разносторонне рассматривает тему романтических связей Камю. См.: *Hawes E. Camus: A Romance*. New York: Grove Press, 2009. P. 213–228.

1 *Hawes. Camus: A Romance*. P. 217.

2 *Judt T. The Burden of Responsibility*. Chicago: University of Chicago Press, 1998. P. 25.

развивает мысль Дзад, когда настоящим моралистом становился тот, кто «не только других заставлял беспокоиться, но и самому себе причинял, по крайней мере, не меньший дискомфорт»³.

Моралист — не морализатор. У последнего есть ответы еще до того, как перед ним поставят вопрос, у первого же вопросы возникают лишь после того, как он услышит предлагаемые ответы. И это такие вопросы, которые, как говорят французы, *déranger* — возмущают или, более дословно, ворошат то, что было упорядочено. Камю был моралистом именно в этом смысле. Вопросы, что он поднимал, не отбросили его ни к одиночеству, ни к нигилизму: напротив, они привели к альтруизму и особого рода моральной требовательности. Камю был моралистом, который твердо держался мнения, что и в абсурдном мире, не дающем никакой надежды, люди не приговорены к отчаянию; который напоминал нам, что, в конечном счете, все что у нас есть в безразличном и безмолвном мире — это мы сами:

В самом мрачном нашем нигилизме я искал только повод его преодолеть. И отнюдь не из отваги или там редкостной возвышенности души, но из инстинктивной верности свету, в котором я родился и где уже миллионы лет люди научились славить жизнь даже в страдании... Сохранившимся до нашего иссушенного века упрямым и стойким сыновьям Греции ожог нашей истории должен казаться невыносимым, но они его все-таки выдерживают, ибо силятся его понять. В центре

3 *Judt T. The Burden of Responsibility. P. 122.*

нашего творчества, будь оно как угодно мрачным, светит неистощимое солнце, то же самое, которое неистовствует в долине и на холмах¹.

Страдание — главный опыт в жизни и работе моралиста. Несомненно, это убеждение задает тон обжигающему началу раннего эссе Камю «Миф о Сизифе»: «Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии»². Для многих из нас — включая, по всей вероятности, и тех, кто сам пока не знает, что тоже из этого числа — в словах Камю в самом деле заключен фундаментальный вопрос. Стоит ли продолжать такую жизнь, неизбежно полную боли и утрат? Древние греки, чья культура была важнейшим источником вдохновения для Камю, знали точно: у страдания есть свои преимущества. Как поет хор в «Орестее», трагедии любимого Альбером Камю Эсхила, «через муки, через боль Зевс ведет людей к уму, к разумению ведет»³. Замечание Марты Нуссбаум о воспитательной роли страдания в греческой трагедии тоже прочно опирается на точку зрения Камю: «Есть такой способ познания, который осуществляется через страдание, поскольку страдание есть подобающий способ признания человеческой жизни как таковой»⁴. Достижение греческой трагедии заключается в том, что она не дает ни выводов,

1 Камю А. Загадка. Пер. Д. Вальяно, Л. Григорьяна // Собрание сочинений в пяти томах. Харьков: Фолио, 1998. Т. 1. С. 451.

2 Камю А. Миф о Сизифе. Пер. И. Я. Волевич, Ю. М. Денисова, А. М. Руткевича, Ю. Н. Стефанова // Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 24.

3 Пер. С. Апта.

4 Nussbaum M. The Fragility of Goodness. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 45.

ни ответов. Напротив, она ценна тем, что умеет «ясно увидеть и описать конфликт и признать, что выхода из него нет. Лучшее, что может сделать человек — принять страдание, природное выражение добродетели его характера, и не подавлять эту реакцию из-за необоснованного оптимизма»⁵.

Конечно, это наблюдение применимо и к жизни, и к творчеству Камю, но есть тонкость. Для Камю страдание было не в большей степени ответом, чем осознание абсурдности бытия. Как ранние эссе вроде «Брачного пира в Типаса», так и последний его роман «Первый человек» с ошеломительной силой показывают, что Камю любил этот мир. Люди, безразличные к окружающей их красоте, слепые к чувственному обаянию пейзажей его родного Средиземноморья и не верящие в человечество, настораживали его. Моралистом в эпикурейском понимании может быть лишь сенсуалист. И не только реальность его страдания, но и укорененность в мире позволили Камю провозгласить без единого грана сентиментальности: «В разгар зимы я понял наконец, что во мне живет непобедимое лето»⁶.

Работая над первой книгой о Камю — «Альбер Камю: стихия жизни» (*Albert Camus: Elements of a Life*), — я постарался объяснить его концепции и литературное творчество через контекст, выстроив рассказ вокруг четырех ключевых моментов жизни писателя. Я считал и, будучи историком, считаю поныне, что в таком подходе есть большой потенциал. Но все же той книгой я остался недоволен: увлекшись

5 *Nussbaum M.* The Fragility of Goodness. P. 49–150.

6 *Камю А.* Возвращение в Типаса // Собрание сочинений в пяти томах. Харьков: Фолио, 1998. Т. 3. С. 458.

историческим контекстом, я обделил вниманием определенные интеллектуальные и моральные темы, которые мы привыкли ассоциировать с творчеством Камю. Одни из них, например абсурд, — это элементы человеческой ситуации, другие, например верность и мера, — добродетели, которые человечеству следует приобрести; а иные, такие как бунт и молчание, — стихийные и этические аспекты нашего бытия. Одним словом, все это необходимые, по моему убеждению, инструменты для поиска того, что есть жизнь, которую стоит прожить.

Абсурд

«Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии. Все остальное — имеет ли мир три измерения, руководствуется ли разум девятью или двенадцатью категориями — второстепенно. Таковы условия игры: прежде всего нужно дать ответ»¹.

Одно из самых дерзких заявлений XX века, первые строки «Мифа о Сизифе» Альбера Камю, не встретили одобрения у блестящего писателя и интеллектуала Андре Мальро. Редактор крупнейшего издательства «Галлимар», в свое время глубоко впечатленный другой рукописью Камю, романом «Посторонний», счел его новое сочинение натужным и путаным. «Начало как будто топчется на месте. Сказав одна-

¹ Камю А. Миф о Сизифе // Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 24.

жды, что речь пойдет о суициде, незачем это повторять снова и снова», — советовал он Камю¹.

Мальро ошибался: речь в «Сизифе» идет не о суициде, а об абсурде человеческого бытия. Если мы однажды оказываемся в «мире, вдруг лишенном иллюзий и света», и при этом все же настойчиво ищем смысла, но слышим в ответ только «непостижимое безмолвие вселенной», и если вполне постигаем значение этого безмолвия, как утверждает Камю, то самоубийство внезапно становится единственно возможным решением². Именно поэтому, как бы ни морщился Андре Мальро, знаменитая первая строчка «Сизифа» все равно требует внимания. Ответа по-прежнему нет, и значит, этот пассаж представляет не только исторический или биографический интерес. Где искать смысл и что будет, если поиск окажется безуспешным, — это вечно насущные вопросы.

Однако стоит нам подступить к этой проблеме, мы видим, что традиционная философия помочь здесь бессильна. Она никак не проясняет этот предмет, по словам Камю, «одновременно столь скромный и столь эмоционально нагруженный»³. И, вероятно, поэтому многие профессиональные философы утверждали, а некоторые утверждают и поныне, что проблема — ложная, и что она подобна тусклому блеску ручья, замутненного ошибками в формальной логике или неверным употреблением языка. Но ряд философов и сегодня упрекают свою профессию в неспособности осмыслить упрямое присутствие абсурда в нашей жизни. «[Абсурд]

1 Todd O. Albert Camus: Une Vie. Paris: Gallimard, 1996. P. 281.

2 Camus A. The Myth of Sisyphus and Other Essays. Trans. Justin O'Brien. New York: Vintage, 1991. P. 6.

3 Camus A. Essais. P. 100.